

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**ЛЮБОВНИЦА
СИНЕЙ БОРОДЫ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Оформление – *Яна Паламарчук*

Ранее книга издавалась под названием
«Мадемуазель Синяя Борода»

Соболева, Лариса.

С54 **Любовница Синей Бороды : [роман] / Лариса Соболева. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 384 с. – (Детектив по новым правилам).**

ISBN 978-5-17-104236-3

Из городского музея украдена старинная картина со зловещим названием «Любовница Синей Бороды». Воры почему-то пренебрегли негласным правилом и вынесли полотно вместе с увесистым подрамником. Капитан милиции Архип Шукин, догадываясь о таинственном прошлом похищенного экспоната, пытается выяснить его происхождение. Вскоре он узнает, что незадолго до исчезновения портретом интересовался итальянский подданный Натале ди Монтевердио, часами просиживавший перед изображением белокурой красавицы. Как объяснил иностранец, история картины тесно связана с судьбой богатой русской помещицы Гордеевой, арестованной в 1819 году при попытке бегства из России с тем самым портретом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104236-3

© Л. Соболева
© ООО «Издательство АСТ», 2018

1819 год. Бегство

Уткнув нос в мех, помещица Агриппина Юрьевна пятидесяти пяти лет не отрывала тяжелого взора от окна. Запряженная четверкой карета неслась по разбитой дороге среди неспаханых полей и стен из леса; попадая в лужи, колеса с шумом расплескивали воду. Размеренное покачивание кареты баюкало, поскрипывал фонарь, подвешенный в верхнем углу внутреннего помещения, фитилек дрожал, готовый вот-вот погаснуть. Впору было вздремнуть, как дремлет Наташа — дочь помещицы, как спит Иона — ее управляющий, как спит краснощекая холопка Ани-сья, раскачиваясь в такт движению кареты. В сумерках виднелись густые белые волосы Ионы до плеч, изредка он подхрапывал да шмыгал носом. Но Агриппине Юрьевне пока не спалось. Вот минуют они кордон, тогда со спокойной душой можно будет отдаться во власть Морфея, а покуда удары сердца, словно набат, били в истерзанную грудь, как бы пред-рекая беду. Колеса вязли в дорожной грязи, лошади устали, а до границы-то всего ничего осталось... ох, скорей бы...

От того, что тягостные мысли прогоняли желанный сон, Агриппина Юрьевна слушала дружный топот копыт, месивших дорожную жижу, и скрип колес. Порой она забывала вообще обо всем, устремив взгляд на плоский предмет, упакованный в холщо-

вую материю и туго перевязанный веревками. И тогда уголки ее губ растягивались в коварной улыбке. В торжествующей улыбке!

Но вот среди привычных шумов обостренный слух неспящей пассажирки уловил спешное постукивание, будто за ними ехал кто. И притом торопился, да не один. Она живо обернулась и посмотрела в маленькое окошко назад. Сумерки прятали дорогу. Агриппина Юрьевна, слыша топот сзади, но ничего не видя, тронула дочь за плечо:

— Наташа, у тебя глаз острее, погляди: скачут за нами, аль мне показалось?

Наташа сонно потянулась, присмотрелась...

— Будто всадники...

— Разбойники?! — взвизгнула холопка Анисья, испуганно заерзала, крестясь. — Спаси и помилуй нас, грешных...

— Кабы разбойники... — произнесла Агриппина Юрьевна, открывая оконце кареты. — Кабы не хуже...

— Что ты, матушка, куда ж хуже-то? — разволновалась и дочь.

— Фомка! Гони! — крикнула кучеру Агриппина Юрьевна.

— Дык лошадей не меняли, загоним, барыня! — отозвался тот.

— Гони, бездельник! Скачут за нами! — рывкнула помещица.

— Слушаюсь, барыня! Эгей!..

Послышался свист кнута, затем щелчок... еще свист и щелчок... Карета прибавила ходу. Иона достал из саквояжа длинный пистолет, сосредоточенно проверил, заряжен ли. Агриппина Юрьевна то назад смотрела, то откидывалась на подушки, держась за грудь. Ничего не видать. Но и постороннего топота как будто теперь не слышалось.

— Недолго осталось, граница вот-вот будет, — пробормотала она.

От нетерпения ей чудилось, что карета с каждым поворотом колес замедляет ход. От страха дочь жалась к матери, Анисья беспрестанно крестилась, шепча молитвы. Только Иона — могучий старик — с хладнокровным спокойствием готовился встретить врага.

— Наташа, погляди... скачут? — приказала дочери помещица, снова расслышав шум позади.

— Скачут! — вскрикнула та. — Догоняют! Уж совсем близко!

— Фомка! Гони что есть мочи! — закричала барыня кучеру.

— Ох, не убежать нам, бедным, — завывала Анисья. — У нас один Иона полкареты занимает, кабы бы без него, дык лошадям легче было б...

— Я скорее тебя выкину, подлая! — оборвала ее барыня. Предчувствуя, что отнюдь не разбойники преследуют карету, она схватила дочь за руку: — Послушай, Наташа, коль так случится, что без меня останешься...

— У нас четыре лошади, убежим! — пролепетала дочь со слезами в голосе.

— Молчи и слушай! — строго оборвала ее мать. Она была женщина строгая, да по-иному ей и нельзя — одна воспитывала детей, управлялась с поместьями. — Поезжай в Неаполь к дяде, на сей случай я заготовила письмо, да и дожидается он. Возьми... Письмо обязательно передай, да спрячь подальше, никто не должен его прочесть. (Наташа, не понимая опасений матери, сунула в муфту письмо.) А это, — дотронулась Агриппина Юрьевна до упакованного плоского предмета, — никому не отдавай, что бы тебе ни сулили! При себе держи, куда бы ни забросила тебя судьба. Здесь счастье детей твоих. Иона, веер у тебя?

— У меня, матушка барыня, как ты приказывала, — приложил Иона руку к груди. — И веер, и бумаги. У сердца ношу.

— Веер тонок, много места не займет, береги его. Держите картину и веер в разных местах, куда время не придет.

— Помню, помню, — заверил Иона. — Да только напрасно ты, матушка, тревожишься. Авошь проскочим...

— Наташку береги, — сказала управляющему Агриппина Юрьевна. — Молода она, глупа. Иона, увези Наташу из России, иначе беда и к ней придет. Возьми деньги, на первое время вам хватит. Да убери пистолет, одним дулом всех не распугаешь.

Летучие тени коснулись окошек кареты — всадники обгоняли. Не доезжая нескольких верст до пограничного столба, Фомка натянул поводья, останавливаясь по их приказу. Агриппина Юрьевна выпрямила спину, сведя черные брови к переносице и готовясь встретиться с новым ударом судьбы. Но, каким бы сильным и роковым он ни был, она примет его с честью. Дверца кареты распахнулась...

— Сударыня, вы Агриппина Юрьевна Гордеева? — спросил офицер.

— Она самая, — ответила помещица, приподняв подбородок.

— Вот приказ о вашем аресте. Извольте пересесть в нашу карету.

Дочь ахнула, схватившись ладонями за лицо. Протянутый пакет с приказом Агриппина Юрьевна величественно отвела рукой, мол, не стану читать.

— Храни вас бог, — сказала она Ионе и дочери, затем вышла из кареты, не воспользовавшись рукой, протянутой офицером.

— Матушка! — Наташа кинулась за ней. — Куда вы увезете ее, господин офицер?

— Как приказано — в Москву, барышня.

Мать, поставив ногу на подножку подъехавшей арестантской кареты, бросила последний взгляд дочери и произнесла:

— Ты Гордеева, помни это. Поезжай к дяде!

Словно ветер пролетел — проскакали жандармы, умчалась карета с матушкой. Наташа упала на колени прямо в липкую дорожную грязь, горько плача. Она не заметила, как Иона заботливо укрыл ее плечи тулупом, сетуя:

— Вот беда так беда... Наташа, бедная моя, простынешь... Пойдем в карету, до границы, почитай, пара верст осталась... Слышь, Наталья?

Наташа вдруг разом прекратила рыдания, поднялась.

— Фомка! — крикнула.

— Тута я, барышня, тута, — появился из темноты кучер.

— Поворачивай! Назад едем, за матушкой.

Подняв подол отяжелевшего от грязи и воды платья, она ступила на подножку кареты, а Иона, поддерживая ее за локоть, посмел возразить:

— Помилуй, Наташа, нам в Неаполь...

— Едем за матушкой, — бросила ему через плечо она.

— Экая ты неразумная! — Иона был полон возмущения. — Нельзя нам назад! Матушка твоя что наказывала? А ты ослушаться ее вздумала?

— Отчего ж нам нельзя назад? — стуча зубами то ли от холода, то ли от несчастья, свалившегося на нее, спросила Наташа. — Отвечай, Иона. За что арестовали матушку? Ты ж с нею ежечасно был. Что она совершила? Какой такой грех тяжкий на ней, что за нами послали погоню в эдакую даль? Отвечай!

— Не велено мне сказывать, — нахмурился тот.

— Я нынче хозяйка тебе, иль ты забыл?

— Узнаю род гордеевский... — осуждающе покачал головой Иона. — Покуда Агриппина Юрьевна жива, она хозяйка надо мною, так-то. Уволь, Наташа, не проси, все одно не скажу. До времени не скажу. А коли знать желаешь, едем в Италийскую землю.

— А как продам тебя? — перешла на угрозы Наташа.

— Да кто ж меня, старика, купит? — не испугался Иона.

Наташа уткнулась лбом в стенку кареты и заплакала, ей вторила Анисья, завывала, точно собака на цепи. Иона подсел к барышне, обнял ее за плечи, приговаривая:

— Дитяtko неразумное, не горюй. Обещание я дал Агриппине Юрьевне в Неаполе тебе все поведать, как на духу, ежели матушка твоя... не доедет. А ты вона как поступаешь, рассердишь Агриппину Юрьевну.

— Нет, Иона, не поеду в Неаполь. До самого царя дойду...

— Ох, Наташа, не поможешь ты ей, не поможешь, а себя погубишь.

Ему ли не настаивать на продолжении пути, выполняя распоряжение барыни... Его бы воля, скрутил бы Наталью и силой заставил ее следовать дальше. Являясь поверенным во всех делах Агриппины Юрьевны, он знал: Наташе грозит смертельная опасность. Иона полагал, что если уж возвращаться, то девушка одумается, едва попадет в Москву, где ни матушкиных связей, ни друзей, способных на бескорыстные услуги, у барышни нет. А более всего он уповал, что произойдет это за короткое время — один-два дня, и Наташа испугается трудностей, отправится-таки к дяде в Италию. Один-два дня... Но ведь и они могут стать для обоих последними! Бежала помещица Гордеева не от одних властей, от смерти своей и дочери тоже. Так что им делать в чужой Москве? Вот что думал старик Иона...

Наши дни

Музей наполнила та трепетно-натяннутая тишина, что возникает при неординарных событиях. Смотрители встретили следственные органы с траурным выражением лиц, проводили в бальный зал, ступая

почему-то на цыпочках, словно здесь царство сна и они боялись разбудить невидимых обитателей. Кто знает, может, в этом старинном особняке по ночам бродят тени прошлого, а днем они спят, как и положено спать теням при дневном свете? Архип Лукич Щукин поддался атмосфере всеобщей таинственности и сам ступал по ковровым дорожкам с осторожностью, стараясь, чтобы шаги его не были слышны. В бальном зале перед камином, тоскливо глядя на стену и схватившись за щеку рукой, замерла заведующая музеем, на лице которой застыло выражение жалости и плаксивости. Молоденькая и хорошенькая сотрудница музея указала на стену:

— Она висела над камином... — Казалось, стекла ее очков блестели от слез, а не отражали блики яркого света. — Здесь мы воссоздали уголок девятнадцатого века.

Эксперт и оперативники приступили к работе.

— Вы ничего не трогали? — дежурно поинтересовался Щукин.

— Что вы! Как можно! — широко распахнула глаза девушка.

Итак, пропала картина. То есть ее украли. Необычного в этом ничего нет, кража произведения искусства для работников милиции — вещь почти естественная. Но в данном музее кража совершена впервые за всю его историю. И второе — украли картину вместе с рамой. А это уже неестественно.

Глядя на стену, Щукин немножко затосковал. С аскетической внешностью, выше среднего роста, всегда аккуратный и суховатый, Архип Лукич Щукин внушал уважение уже одним своим видом, с ним даже начальство разговаривало почти всегда в вежливой форме. На самом деле внешний педантизм и сухость были для следователя прокуратуры всего лишь щитом от людской несдержанности. Разумеется, со временем они выросли в Щукина, но не являлись его

сутью. Внутри Архип Лукич совсем другой — мягкий и ранимый. А затосковал он сейчас оттого, что на счету его и так много дел, оставшихся нераскрытыми, и вот это новое, с кражей картины из музея, по некоторым признакам вполне может тоже «зависнуть». Да, настроение у Щукина испортилось.

Пока эксперт с оперативниками исследовали зал и здание музея, выясняя, каким образом грабитель пробрался в святилище древностей, Щукин решил опросить заведующую. Она предложила пройти в ее кабинет, пригласив и девушку в очках, которая обнаружила пропажу. Идя к кабинету, следователь отметил: порядок в музее образцовый, стерильность тут чуть ли не как в больнице — ни пылинки, ни соринки. Заведующую, невысокую женщину лет этак за сорок, с грустными темными глазами и усталым лицом (когда-то, бесспорно, красивым), звали Зоей Федоровной. Щукин, не изволивший посетить этот музей ни разу в жизни, а потому и не знавший о ценностях, хранившихся здесь, задал закономерный вопрос:

— Что за картина пропала, кто автор?

— Автор неизвестен, — скорбно сказала заведующая. — Предположительно ее написал крепостной художник в начале девятнадцатого века.

— О, значит, она не очень ценная?

— Ну, если считать, что сейчас любой антиквариат стоит довольно дорого, то картина представляет некоторый интерес для любителей старины.

— Погодите... Вы хотите сказать, что украденная картина не является произведением искусства? — изумился Щукин.

— Видите ли, картина написана... не рукой мастера. Гораздо большую материальную и художественную ценность представляет ее рама — она искусно инкрустирована ценными породами деревьев и датируется, кстати, тоже началом девятнадцатого века.

— Выходит, украли прежде всего раму? — еще больше изумился Щукин. Это уж неслыханно: какую-то рамку свистнули! Вор что, заболел на голову перед кражей?

Архип Лукич был огорошен: картина не имеет ценности, а ее тем не менее выкрали из стен музея! Так не бывает. Рамки, какие бы они ценные ни были, вообще никто никогда не крал за всю историю человечества. Они же не из золота! И эта тоже. Крадут только произведения искусства сумасшедшей стоимости. Но ведь картину все ж таки украли... Интересно, что ж там за полотно было и чем оно примечательно?

— У вас есть фотографии картины? — спросил Архип Лукич.

— Конечно. Танечка, будь добра, принеси.

Танечка убежала за фотографиями, а Щукин спросил:

— Более ценные вещи имеются в музее?

— Разумеется! — вторично огорошила его Зоя Федоровна. — Меня потому так и поразила кража именно этой картины! У нас есть золотые украшения из курганов, старинные фарфоровые статуэтки, сейчас очень модные. Да и картин известных мастеров у нас несколько штук в экспозиции. Сигнализацию воры отключили, можно было взять их, но...

— А вы проверяли, может, под слоем краски там была еще одна картина, которая и представляла ценность для преступника? — пришло на ум Щукину. — Такое бывает...

— Исключено. Проверяли.

— Как давно она у вас висела?

— Четыре года. Сразу после ремонта мы решили восстановить интерьер бального зала, а картина находилась в запасниках, до этого ни разу не выставлялась.

— Как она попала в ваш музей?

— Сколько себя помню, а работаю я здесь около тридцати лет, столько она и хранилась в запасниках. Ее нашли в одном из купеческих домов.

Танечка — старший научный сотрудник — принесла папку, положила ее перед Шукиным. Он раскрыл, взял первую цветную фотографию.

Это был портрет. Белокурый ангел в женском облике был изображен на репродукции картины. Волнистые светлые с золотистым отливом волосы окружали ореолом непорочное, по-детски наивное личико, рассыпаясь по розовым оголенным плечам. Капризные пухлые губки тронула, чуть показывая белые зубки, робкая улыбка. А васильковые глаза с удивлением смотрели на мир, в будущее. Казалось, это чудное, сошедшее с небес создание спрашивает потомков: как вы живете без меня? И почему без меня?

— По-моему, картина великолепна, — высказался Шукин.

— Если внимательно присмотреться, — пояснила Зоя Федоровна, — можно обнаружить недочеты художника. Например, веер из павлиньих перьев выходит на первый план, несколько затеняя натуру, а в портрете главное — модель. Веер велик, эклектичен, с натурщицей не вяжется. Теперь рука... Взгляните, она выписана не в соответствии с пропорциями, а грубо, неумело, будто художник торопился, писал руку абы как. По мне, так портрет писал один художник, а руку с веером — другой. И фон незаконченный. С одной стороны листва, а с другой — просто темный фон, без глубины, без перспективы. Такое ощущение, что художник грубо замазал черной краской эту часть картины. В общем, ему удалось выписать только лицо и волосы. К остальному он либо отнесся наплевательски, либо у него не получилось достичь желаемого эффекта из-за отсутствия мастерства.

— Более крупный снимок есть? — не удовлетворился рассказом Шукин.

Танечка вынула из папки большую черно-белую фотографию, и Архип Лукич, вытянув руку, в которой держал снимок, начал внимательно изучать изображение. Он давно заметил: цветное фото зачастую отвлекает красочностью, а на черно-белых снимках детали, недостатки и достоинства как бы укрупняются. Теперь он был согласен с Зоей Федоровной в оценке картины. Кроме, пожалуй, фона. Фон как фон, темная сторона, и все. Зачем обязательно нужна глубина и прочие изыски? На темном фоне белокурый ангелок выделяется чарующей красотой. Но веер действительно отвлекает. И рука похожа на клешню, не вяжется с белокурым ангелочком. Танечка подала еще один снимок:

— А вот та же картина, но в рамке.

Рамка... Это было что-то с чем-то! Широкая, усеянная выпуклыми гроздьями винограда и листьями, выступающими за границы рамы. Вычурность резьбы никак не сочеталась с портретом.

— Как думаете, почему вор просто не вырезал картину, как обычно поступают похитители живописных полотен? — спросил он.

— Нож забыл, — высказала предположение Зоя Федоровна. Шукин, бросив в нее насмешливый взгляд, смутил заведующую, и она стала оправдываться: — Мне самой непонятно. Воры действительно предпочитают вырезать холст...

— Без подрамника и рамы картину легко спрятать, — пояснил Шукин.

— Знаете, мы однажды хотели «одеть» картину в более скромную раму, но обнаружили, что эта резная рама очень плотно прижимает края полотна с двух сторон. Ну, мы и не стали пытаться разъединить раму и картину. Все же дереву без малого два века, боялись, вдруг все рассыпется.

— Как называется картина? — осведомился Шукин.